

Приближение к омуту

Об ошибочной политической стратегии, чреватой социальным катаклизмом

Сергей Никольский

То, как властями трактуется недавние протестные выступления в Москве и ряде городов страны в связи с событиями вокруг оппозиционера Алексея Навального, принуждает думать: либо власть не понимает их истинных причин, либо, что скорее всего, имитирует непонимание, не рискуя отклониться от «понимания высшего».

Согласно этому верхнему пониманию, как теперь уже сформулировано открыто, причиной выступлений является инспирированная иностранными врагами России деятельность «политического проходимца», который «вытаскивает» на улицы наивных протестующих и понуждает их прикрываться детьми. Соответственно размах выступлений по определению не может быть значительным, а меры против выступающих исключительно признаются адекватными, как и положено им быть против «иностранцев» и их подручных.

Белорусский сценарий

Этим заключением можно было бы удовлетвориться, если бы не недавние протесты в Белоруссии – своего рода футурологический прогноз для России. Не исключаю его реальности, потому что в последние десятилетия наши соседи развивались по сходной с нами авторитарной траектории со сходной же социально-политической и культурной деградацией, хотя у белорусов имеется своя особенность – фонтанирующий сермяжный здравый смысл руководства («Вы вирусы на катке видите? Вот и я не вижу»).

Идущее по нарастающей противостояние при иллюзорном «понимании» его причин само по себе опасно при любом исходе: если выступления будут успешно подавлены или – допустим невозможное – приведут к «победе» протестующих. Вспомним Иммануила Канта: «Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев и властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мысли». А культурная реформа образа мысли – это как раз то, что уже очень давно нам требуется и о чем все никак не думается.

Образ белорусского президента, бегавшего в камуфляж вокруг своей резиденции с автоматом в

В наших реалиях образ белорусского президента, появившегося у своей резиденции с автоматом в руках, может оказаться лишь картинкой из детской книжки.

Фото РИА Новости

территаризм – система, которая в своих внешних атрибутах использует демократические нормы, но по своей сути чем далее, тем более становится только авторитарной. При этой системе в стране (отчасти реально, но все более декларативно) наличествуют институты цивилизованного государства западного типа: частная собственность, рынок, демократия, гражданское общество. Эти институты порождают цивилизационные механизмы и, в свою очередь, ими поддерживаются. Механизмы эти – разделение властей, в противоположность

от которой в конечном счете, как утверждает, зависит его суверенитет? (Следуя этой логике, недалеко до того, чтобы в духе Сталина полностью переписать историю, одновременно запретив какую-либо живую память о ней, а в пределе, следуя вожделю, «без права переписки» разобраться с ее носителями.)

Прошлое – это настоящее

За редкими и кратковременными исключениями любое спознание к авторитаризму ведет к деградации общества. Что до конкретного российского авто-

номистам хорошо известны методы выхода из экономического «неразвития», меры устранения сил, это состояние консервирующих. Объектом преобразований должны стать органически сращенные с верховной властью государственные и частно-государственные компании с их хронически неэффективными хозяевами-собственниками; связанная с ними и имеющая свои дивиденды многоуровневая и обширная властная бюрократия; обеспечивающие защиту этого политико-хозяйственного монстра специально на эту задачу нацеленные правоприменительные, судебные и силовые структуры. Роднит их одно – корыстное приятие и привычка действовать в парадигме «ручного управления», непосредственно обращаться к закону лишь в том редком случае, когда закон и «рука» в их направленности совпадают.

Состояние «неразвития» с тенденцией к деградации характеризует и культурно-образовательную сферу. В форме «прошлое – наше настоящее и будущее» – диапозон от «спасибо деду за победу!» до «если надо – повторим!» вместе с мутной водой с бытового дна и постоянной истерикой в адрес «злословного Запада» это состояние проявляется в содержании выступлений штатных телевизионных и иных «обличителей», ведущих свою символическую духовную родословную не иначе как от любителя «скандалчиков» Карамзова-папаша. (Все же в этом году мы будем отмечать 200-летний юбилей Федора Михайловича Достоевского, и не вспомнить об этом знатке русской природы вроде нельзя. К тому же я почему-то предполагаю, что одним из центральных в предстоящих юбилейных мероприятиях в дипломатичной форме станет его тезис про исключительную, богоданную «всечеловечность» нас, русских, которым веками мешает жить вражеское окружение, как определял классик, «жидов и полячишек».)

Поскольку то, как развиваются события, все больше приближает нас к «омуту», в котором два встречных течения сталкиваются, утгивая на дно пловцов с обеих сторон, заставляет подумать – не пора ли остеречься и вектор развития изменить. Вопрос – как?

Русская матрица

В нескольких более ранних статьях в «Независимой газете» я писал о «русской матрице» и ее константах. А поскольку сегодняшняя ситуация, к сожалению, все более начинает напоминать

попытку очередной насильственной этой матрицы консервации, должен воспроизвести некоторые мысли.

Русской матрицей я назвал исторически часто возникающее в стране содержание общественного бытия и сознания власти и населения. Таковыми со времени образования Московской Руси при Иване Грозном стало бытие России как империи с имперским сознанием власти и народа, которое постоянно воспроизводилось самодержавной формой правления и полицейской силой, в разные времена именованной по-разному, но всегда напрямую, минуя закон, непосредственно соединенной с самодержцем. Ее укоренение и постоянное возобновление гарантировал механизм «собственности/бессобственности» – когда самодержец по своему произволу иных собственностью (включая их право распоряжаться самими собой) наделял, а иных лишал. «Жалованье своих холопей мы волюны и казнить их волюны же», – афористично в письме Андрею Курбскому высказался грозный царь.

Матричная природа страны наиболее отчетливо проявляется в кризисы, когда в надежде догнать ушедшие вперед страны предпринимаются попытки ее слома. Таких моментов, разных по своим масштабам, значимости и последствиям, в отечественной истории в XIX–XX столетиях было по крайней мере пять. Восстание декабристов 1825 года, реформы Александра II 1860–1870-х годов, политические меры Николая II 1905–1907 годов, революция и контрреволюция большевиков 1917–1937 годов, радикал-либеральные реформы 90-х годов прошлого века.

Во все эти периоды главными были вопросы об ограничении или свержении самодержавия, пересмотре существующих отношений собственности, установлении демократии, организации рынка, о верховенстве права, правах и свободах личности, гражданском обществе. Последние два кризиса – Октябрь и реформ 1990-х – завершились неудачей потому, что их главные актеры не сумели отказаться от имперской идеи. Большевики видели в России прообраз и фундамент будущей мировой революции, для которой наша страна должна была стать сырьевой базой. Новые русские прельстились соблазном приватизации ресурсов. Общим субъектам исторического действия для реализации их целей понадобилось реставрация самодержавия с его механизмом «собственности/

бессобственности», в том числе гегемонии одних и покорного приятия данности со стороны других. И здесь нужно сказать несколько слов о природе нашего человека.

Еще в 1980 году сотрудник одного из столпов советской идеологии Института философии АН СССР, известный философ Александр Зиновьев написал небольшую работу под названием «Почему мы рабы». И один из его ответов был таков: потому что «некоторая часть граждан общества захватила власть над остальными и осуществляет свое насилие над ними». Но это был не весь ответ. Другая его часть звучала еще жестче: «Мы принимаем систему рабства добровольно». А на вопрос «почему так?», по мнению Зиновьева, каждая эпоха отвечала по-своему.

Для времени «реального социализма» ее ответ был таков: основу цивилизационного начала в обществе образуют труд, личный риск, инициатива и ответственность, привносимое морально-правовым самосознанием самоограничение. Это, возвращаясь к метафоре омута, смысл одного течения – «карабканя вверх». Но есть и встречное – движение «по течению» вниз. Основой той коммунистической тенденции был великий исторический соблазн людей жить стадно, без тяжелого труда, постоянных самоограничений, без риска и личной ответственности, беззаботно, с гарантированным удовлетворением минимальных жизненных потребностей. Вспомним обещание о том, что при коммунизме блага польются полным потоком и по потребностям удовлетворят всех.

Более того. При коммунистическом рабстве каждому рядовому члену общества массово дается крупица фактической власти над близкими в соответствии с его социальным положением. Но реальной свободы здесь нет, а вместо нее есть эрзац – возможность лишать свободы других. «А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами». В итоге мы «капитулируем перед внешним насилием потому, что сами предпочитаем образ жизни, делающий нас рабами. Вот в чем ужас нашего положения. Можно бороться против внешних насильников. Можно ограничивать действие объективных сил природы и общества. Но бороться против самих себя и добиваться успеха – задача непостижимо трудная даже для богов. А мы – трусая лишь люди. И мы отрезаем себе всякую надежду на освобождение. Когда все рабы, понятие рабства теряет смысл».

Конечно, советское в чистом виде осталось позади, хотя очевидно, что имманентная тяга части нашего народа и власти к «советскому» имеется, о чем многие и много напоминает. Не в этом ли удовлетворении минимальных потребностей большинства в обмен на сохранение абсолютной власти меньшинства на фоне высоких нефтяных цен состоял прословутый негласный «общественный договор» первого десятилетия XXI века? Не в этом ли причина сравнительно небольшого количества протестующих в диапазоне от недавних выборов в Мосгордуму и голосований «на пеньке» до «казуса Навального»? Не в этом ли – «лишать свободы других» – привычка и «сладость» нашей «традиционной скрепы», о которой как-то высказался даже Максим Горький в своей брошюре о жестокости русского крестьянства. И это, безусловно, усугубляет сложность решения задачи «реформирования образа мысли».

Возможно, аналогия с советским рабством была бы более полной, если бы не особенности последних лет, когда удовлетворение минимальных потребностей большинства стало неуклонно снижаться, а количество властных бенефициаров всех уровней и их разного рода силовых защитников столь же неуклонно расти. То, что это так, видно не только по расходам и жизни «верхов», но и по потреблению, по медицине, образованию, науке и культуре для «низов». Вот почему Навальный – не столько персона, сколько знак и, возможно, последний сигнал на реке, обозначающий наше приближение к омуту. И хорошо бы помнить, что, когда в него затынет, вряд ли кто-нибудь выберется наверх.

Сергей Анатольевич Никольский – доктор философских наук.

В последние 20 лет в России сложился демократический авторитаризм, который во внешних атрибутах использует демократические нормы, но становится все более авторитарным по сути

руках и подбадривавшего, как он выражался, своих «красавцев», в наших реалиях может оказаться лишь картинкой из детской книжки-раскраски. Да и «иностранцы коллеги», если бы дело дошло до насильственной смены власти, вряд ли бы продемонстрировали иное поведение, чем, например, то, которое имело место в форме военной интервенции в Гражданскую войну после Октября, или когда они примерно наказывали сербов бомбардировками 1999 года. Напомню, что только в одном Белграде от их «гуманитарного» вмешательства погибло не менее 3 тыс. горожан. К сожалению, много опыта их реакции у нас нет, а не замечать имеющийся – наивно.

В этой связи наш президент, сказавший однажды, что слабых быть, безусловно, прав. Только к этому стоило бы добавить, что более, чем гипотетических чужих, следует обуздывать реальных сильных своих, которым мешают «стоящие у них на пути». Так что в этой ситуации чужим и делать-то ничего не нужно – сами управляемся.

Знак протеста

Но вернусь к Навальному, который волею рукотворных обстоятельств знаменательного для истории России месяца августа сделался если не символом, то знаком протеста. И понимание причин этого явления – задача остро насущная. В чем основания протестных настроений?

В последние 20 лет в России сложился демократический ав-

доминированию одной ветви власти над другими; верховенство закона для всех, в противоположность доминирующей защите интересов суверена и его ближнего круга; политического и идейного плюрализма, основанного на свободе совести, противоположного реальным авторитарным практикам и прикрытой симуляцией государственной идеологии; изначальных прав и свобод каждого человека, вытекающего из идеи верховенства права, в противоположность безраздельному праву одного (одних) и фактическому бесправию других. Когда институты работают не в полную силу, а механизмы постоянно дают сбои или и вовсе декоративны, общество стагнирует или продвигает конфликты, чреватые масштабным катаклизмом.

Нужно ли доказывать давно ставший банальным факт слаботы цивилизационных механизмов в России? Что обе наши палаты законодательной власти всегда стопроцентно единодушны и вообще они «не место для дискуссий»? Что многие, особенно чуткие к настроениям власти судьи в условиях «соревновательности» сторон выносят оправдательных приговоров меньше, чем во времена сталинской диктатуры, а их решения – копии с прокурорских представлений? Что идейный плюрализм уже обвешан такими красными флажками, что и исторические факты можно извлекать на свет только при условии, что они будут работать исключительно на «историческую политику государства»,

ритаризма, то пока он стагнирует. Во-первых, не выдвигает общественно значимых идей развития, а постоянно обращается к прошлому, рассчитывая найти в нем защиту от развивающегося мира, притом что союзники у него уже не осталось. И во-вторых, своим стремлением целиком заполнить прошлым актуальную повестку стремится сохранить и навсегда закрепить за собой отобранные у общества с начала 1990-х годов материальные плоды. Отсюда его уникальное для современного мира по своей продолжительности и напористости нагнетание юбилеев и памятных дат, постоянный идеологический рефрен про «традиционные ценности» и «заветы предков», в итоге ставшее фатальным «неразвитие» – основное сегодняшнее свойство страны.

Примечательно, что прошлое в качестве нынешнего и завтрашнего дало себя знать даже в положении нашей «золотой сотни» – придворных миллиардеров и мультимиллионеров, чьи состояния в последние год-два хотя и растут в масштабах нашей экономики прежними сверхтемпам, но безнадзорно –кратно – отстают от состояний миллиардеров Запада и Востока. Разгадка в том, что те, в отличие от наших, делают ставки на таланты и предприимчивость свободного и образованного человека, в то время как наши, пребывая внутри авторитарного деспотизма с его тягой к аквадискотекам и стрельбой по мишеням с утра, не видят, да и не могут видеть дальше железа и трубы.